

Семейная радость

...Солнце косыми лучами освещало резной поставец, пробиваясь сквозь разноцветные стекла косящата окна московских палат бояр Романовых...

У самого этого косящата окна сидел, сгорбившись на громоздком неудобном троне, Ленин, сдвинув на затылок расшитый старым жемчугом кокошник, задумчиво вязал шерстяной чулок для одного из своих добрых красных китайцев.

Вдруг раздался быстрый топот ног, звяканье шпор и в палату, как вихрь, влетел молодцеватый Троцкий, помахивая какой-то телеграммой.

— Ур-ра! — с порога закричал он. — Япония объявила нам войну! Владивосток взят ими, Хабаровск взят...

— Что ж ты так радуешься?...

— Помилуй! Неужели, не понимаешь? Ведь мы должны гордиться! Наконец-то нас признали как государство!

Ленин задумчиво почесал бровь вязальной спицей.

— Из чего же это видно?..

— Как из чего? А объявление войны?! Ведь, знаешь ли, зря с кем солидное государство не воюет!! Вот и мы, наконец — великая держава! И перед другими не стыдно.

— А я все-таки не вижу, в чем тут радость... Обыкновенно ведь перед войной бывают мирные добрососедские отношения между соседями, а у нас с ними какие были отношения? Даже не разговаривали с нами, даже послов наших у них не было. И вдруг — на тебе! Города стали отбирать! Это все равно, как бы сосед по улице — при встречах со мной не раскланивался бы, не раскланивался, а потом вдруг взял да неожиданно меня по шее и съездил. Где ж тут признание великодержавности?

— Ну, ты уж скептик известный. А по-моему, трудно начать. А там и пойдет: и верительные грамоты будем вручать, и послов будем отзывать, и мирные трактаты подписывать. Ну, ты! Подвинься немного: расселся, весь трон занял.

Троцкий опустил рядом с Лениным, вытянул ноги, зажмурил глаза, потянулся и сказал мечтательно:

— Скоро устрою у себя во дворце торжественный прием иностранных послов... Надену кирасирского его величества полка мундир, буду обходить ряды иностранных послов и милостиво

расспрашивать об их нуждах. «А что, — спрошу у сэра Бьюкене-на, — как поживает мой дорогой кузен и друг Георг?..». Заманчиво, канальство!

Ленин опустил на колени недовязанный чулок для бедного красного китайца, покачал головой и промолвил укоризненно:

— А препустейший ты паренек, Левка, как я на тебя посмотрю. Как говорит старинная русская пословица: «на рубль снобизма, на грош социализма».

Дружки

Когда Ленин неожиданно, не постучавшись, вошел в кабинет Троцкого — тот сделал молниеносный прыжок тигра к письменному столу и, благодаря этому, очутился спокойно покуривающим папиросу в подозрительном отдалении от лежащего на полу раскрытого чемодана.

— Что это вы делаете? — осведомился Ленин, поглядывая то на Троцкого, то на чемодан.

— Не видите разве? Папиросу курю.

— А чемодан? Почему раскрыт?

— Ветром раскрыло.

— Но вы, я вижу, укладывали в него белье. Вон еще носки лежат не уложенные.

— На дачу собираюсь.

— В сентябре-то?

— А что ж. В сентябре дача имеет свою прелесть: эти летающие золотые нити паутины, эти печальные георгины и астры, свесившие головки, этот плачущий ветер в трубе...

— Именно, что плачущий... Все оказалось золотыми нитями легкой паутины, всюду свесившие головки и повсюду скоро плач будет!.. Когда?

— Что когда?

— Удираете.

— А вам какое дело? Я же вас не спрашиваю.

— Я и не собираюсь. Что бы там ни было, я все равно останусь тут — на страже Третьего Интернационала, в этом прекрасном